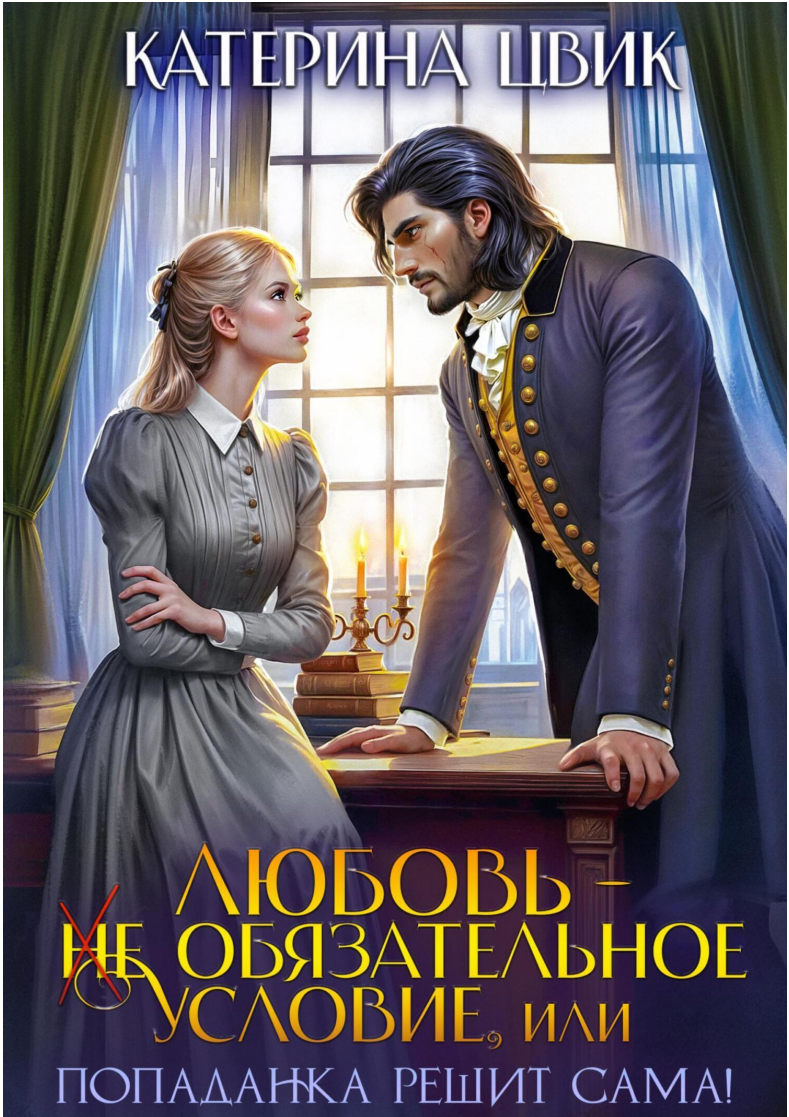

КАТЕРИНА ЦВИК
ЛЮБОВЬ – НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ, ИЛИ
ПОПАДАНКА РЕШИТ САМА!

Катерина Цвик

Любовь – не обязательное условие, или Попаданка решит сама!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72362422
SelfPub; 2025

Аннотация

Моя душа после смерти оказалась в теле юной девушки, и теперь я вынуждена вместо нее отбывать послушничество в монастыре. Однако даже там меня ждут приключения: загадочные обряды, одержимые духами и встречи с могущественным канцлером королевства. Его предложение – чистая авантюра, но ради свободы я готова на многое. Вот только действительно ли любовь – не обязательное условие?

Однотомник

Содержание

Глава 1. Уровень нарастающего бреда 4
Глава 2. Чудный новый мир 9
Глава 3. Опасения 17
Глава 4. Непристойные предложения и решения 23
Глава 5. Женское любопытство 34
Глава 6. Неожиданные вводные 45
Глава 7. Бал и новые знакомства 53
Глава 8. Королевский бал преподносит сюрпризы 66
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Катерина Цвик
Любовь – не обязательное условие, или Попаданка решит сама!

Глава 1. Уровень нарастающего бреда

Я сорок лет прожила в одном городе. Что может быть банальнее? Только то, что там же я и умерла.

Все случилось неожиданно и очень быстро. Пожалуй, из банальности выбивалась только сама смерть. Поздно вечером я заехала на заправку, зашла внутрь здания, чтобы оплатить бензин, услышала странный звук, от которого внутри все заледенело, и увидела, как на меня надвигается пламя. В последние мгновения пришло осознание: заправка взорвалась или ее взорвали. Но лично мне уже было все равно как и почему.

Меня не стало.

Лишь горьким осознанием резануло по сердцу: а я ведь не дожила, недолюбила, не родила, не сделала, не успела, не

смогла, не… Столько разных «не», которые изо дня в день откладывались на потом, что душу разрывало от произошедшего. И не было в ней смирения, только ощущение недосказанности и незаконченности. Может, именно поэтому и произошло то, что произошло?

Я снова открыла глаза. Я, чье тело уже не могло существовать.

Глубокий вдох всей грудью – и непостижимое осознание, что я жива, почти здорова и… не я. Или я?

А потом меня вывернуло водой – не очень свежей и пахнущей тиной. Это было бы даже забавно – погибнуть в огне и ожить, ощущая, что чуть не захлебнулась, но смешно мне не было.

Мне помогли перевернуться на бок, чтобы было проще опорожнять желудок, и я услышала злой рык:

– Мадемуазель ан Шэрран, ссылка в монастырь на год – не повод заканчивать жизнь самоубийством!

– Полностью с вами согласна, – икнула я, стараясь прийти в себя.

В глазах странно двоилось, а мозг словно бы пульсировал.

– Н-да? – скептически произнес все тот же голос. – Что же вы делали в этом недопруду?

– Уп-упала, – снова икнула я.

А в голове возникали странные образы, как я заставила кучера остановиться на мосту, выскочила из кареты и, пребывая в полнейшем отчаянии, прыгнула в пруд, о котором

мне рассказывала по дороге тетушка, приставленная ко мне в качестве дуэньи.

Интересно, какая такая тетушка-дуэнья? И какая, к черту, карета? Бре-е-ед.

– Живая! – внезапно совсем рядом раздался женский визг, неприятно резанувший по ушам.

– Живая, – ответил ей мужской голос, который я услышала первым, и холодно, но иронично поинтересовался: – Это ваша подопечная? Почему же вы не бросились следом, чтобы ее спасти?

– Да как же… Я же… – начала заикаться женщина. – Когда Анна выскочила из кареты и бросилась с моста, я лишилась чувств. Вот только пришла в себя.

У меня в глазах немного прояснилось. Приподняв голову, я увидела стоявшую неподалеку дородную женщину, закутанную в длинный плащ странного покроя. Она покачнулась, будто от одного воспоминания о моем поступке ей становилось дурно.

У меня же в голове внезапно всплыло осознание, что за попытку суицида можно попасть в дурдом, потом еще и права могут отобрать, а я уже привыкла, что у меня под рукой – или, правильнее, под попой – всегда есть машина. Так что нужно срочно выруливать из этой опасной ситуации. Вот только при чем тут карета, пруд, эта странная дама в плаще и я?!

В голове мутилось, но я все-таки произнесла:

– Я никуда не бросалась. Мне стало плохо, и я решила подышать воздухом, но покачнулась и нечаянно упала. Кстати, помогите мне встать.

Меня бил озноб оттого, что я лежала на земле в мокром платье, а это в по-весеннему прохладную погоду очень нехорошо.

Сильные руки подхватили меня и помогли встать на ноги, а я наконец увидела своего спасителя. Высокий – мне пришлось задрать голову, чтобы его разглядеть, – широкоплечий брюнет с острыми, словно высеченными из камня, чертами лица, черными злыми глазами и чувственным изгибом тонких губ. Всю эту скульптурную красоту портил только шрам, тянувшийся через левую щеку, но мне он показался даже пикантным. В общем, в любой другой ситуации я бы с уверенностью заявила – шикарный мужчина! Собственно, я так и сказала:

– О боже, какой мужчина…

Но по тому, как удивленно выгнулась его бровь, поняла, что сделала что-то не то. Потом огляделась. Я находилась в каком-то неизвестном месте рядом с мостом, переброшенным через небольшой пруд. Это в нем я, что ли, хотела утопиться? Тут скорее можно разбиться о камни. Вон как голова разболелась – наверняка я ею ударилась. Потрогала рукой лоб и увидела кровь на пальцах. В висках зашумело, перед глазами все завертелось, и я осознала, что с моей памятью происходит нечто странное. В ней словно бы начали насла-

иваться друг на друга кадры из разных «кинофильмов»: из жизни Анны Шторман и Анны ан Шэрран.

Я ухватилась за лацканы сюртука поддерживавшего меня мужчины, как за спасательный круг, и в отчаянии вгляделась ему в глаза. Словно в насмешку, вместе со всем тем кавардаком, что творился у меня в голове, в ней звучала попсовая песенка про о боже какого мужчину, от которой не было никаких сил отвязаться. И я сама не заметила, как с губ внезапно сорвалось:

– Я хочу от тебя сына. – И наконец потеряла сознание, не в силах выдержать уровень нарастающего бреда и головной боли.

Глава 2. Чудный новый мир

Дверь в мою келью, чуть слышно скрипнув, приоткрылась, и я услышала шепот:

– Анна, ты спишь?

Я встретилась взглядом с Ланаей, которая тут же шмыгнула внутрь и заперла за собой дверь.

– Не сплю, – констатировала я очевидный факт и приподнялась на локте. – А ты чего полуночничаешь? Если монашки тебя увидят, то снова посадят на хлеб и воду.

Но впечатляться угрозой девушка не спешила. В лунном свете из небольшого окошка я увидела, как азартно блеснули ее глаза.

– Там одержимую привезли! Сейчас обряд очищения проводить будут! Хочешь посмотреть?

Я хотела. Очень! И посмотреть на одержимую, и понять, не являюсь ли и сама такой же. Ведь я появилась в этом мире и заняла чужое тело. Четыре месяца. Уже целых четыре месяца я жила (хотя правильнее сказать, прозябала) в монастыре. После обморока я очнулась уже в этом угрюмом сером месте. Оказалось, что пруд, из которого меня вытащили, находился недалеко от монастыря, куда Анну и сопровождала тетушка, которая своими стенаниями довела ее до самоубийства.

Не сказать, что дуэнья говорила что-то эдакое или специально изводила девушку, но та и сама очень переживала и корила себя за глупость и за то, что так сильно подвела отца, род и вообще опозорилась. Хотя как по мне, Анна просто стала разменной монетой в каких-то придворных интригах. Но я могла и ошибаться, ведь знала об этом мире только из воспоминаний погибшей.

Да, Анна тогда погибла, а моя душа каким-то непостижимым образом оказалась в ее теле. Первое время мне это было дико. Самое странное, что вместе с телом мне досталась и память девушки. Иногда я даже не понимала, где я, а где погибшая Анна. Боялась сойти с ума из-за двойственности, думала, что больна шизофренией.

И мне, пожалуй, повезло, что я оказалась в монастыре. Поначалу меня старались не трогать. Давали время прийти в себя и привыкнуть. Странности списывались на нервозность от попадания в это место, а некоторую неадекватность… Думаю, просто посчитали, что я такая по жизни. Никто ведь здесь не знал меня прежде. Но если бы мое «переселение» произошло не вдали от дома и тех, кто меня хорошо знал, меня бы точно признали одержимой.

Из памяти Анны я знала, что одержимыми здесь называли тех, в кого вселялись духи изнанки. Некоторое время я была искренне уверена, что сама являлась таким вот духом. Но многое не сходилось. Или мне не хватало информации. Так, к примеру, в памяти девушки я обнаружила знание о

том, что те, в кого вселялись духи изнанки, не имели желаний, кроме как убивать, и уничтожали всех своих близких, а потом падали замертво, иссушенные, словно мумии. В себе же я никаких кровожадных побуждений не замечала. А чем дольше находилась в этом мире, тем больше в него вживалась и начинала чувствовать себя его частью. Но сомнения все равно грызли, и я опасалась, что меня могут обвинить в одержимости. Мне катастрофически не хватало информации! Где же ты, мой любимый интернет и поисковики, способные выдать что угодно, только попроси?!

А тут такая возможность посмотреть на одержимую лично!

Я подскочила с кровати, обулась, не желая студить ноги, поправила длинную полотняную ночнушку под горло и накинула на плечи платок, как это сделала Ланая. Несмотря на середину лета, в этом месте по ночам было зябко.

– Пошли. Ее повели в церковь?

Мы выскользнули из кельи.

– Да, – шепнула подруга. – Уже и священник прибыл для изгнания.

– А где мы там спрячемся?

– На хорах. Помнишь, когда мы опоздали на службу и нас туда не по лестнице запустили, а через незаметную дверку, чтобы аббатиса не заметила?

Мы с Ланаей обе имели хороший слух и голос, потому нас определили в певчие. Собственно, там мы и познакомились.

Однажды мы и в самом деле опоздали на утреннюю службу, за что потом были посажены на хлеб и воду. Тогда-то мы и узнали, что на хоры можно попасть не только по лесенке внутри храма, но и из верхней части галереи, соединяющей монастырскую церковь с библиотекой. А на саму галерею можно войти не только из библиотеки, но и из внутреннего двора, куда мы сейчас и спешили.

– Ее какой-то вельможа привез. Слуги связанную во двор внесли, аббатиса велела вынуть ей кляп, что-то спросить хотела, а та только расхохоталась и закричала: «Вы все умрете! Умрете!» Ужас как страшно!

– А ты как всё это увидела и услышала?

– Так окошко моей кельи во внутренний двор выходит. Мне не спалось. Я в окно и смотрела. Приехавших сразу заметила, а уж крик сложно было не услышать.

– Я не слышала.

– Так у тебя окно с другой стороны. Ничего удивительного.

– А почему ты решила, что она одержимая? Может, это просто злобная женщина?

Мы уже поднялись по ступенькам в галерею, потому говорили еще тише.

– А зачем тогда было ее связывать? Да и в церковь ее сразу понесли.

Наконец мы оказались у заветной дверки и аккуратно ее приоткрыли. Я боялась, что она скрипнет и всех переполо-

шит, но петли были хорошо смазаны. Бесшумно проскользнув внутрь, мы спрятались за высокими перилами.

Я увидела множество ярко горящих свечей у алтаря и перевязанную, как гусеница, женщину в богатом платье. Она лежала на полу в подобии пентаграммы, двое слуг сидели по бокам и были готовы в любой момент удержать пленницу.

Появился священник. Я никогда его раньше здесь не видела, что неудивительно – священники посещали женские монастыри редко, как раз ради вот таких случаев или для проведения сложных обрядов. Женщинам, даже аббатисам, делать это не положено.

Священнослужитель начал читать молитву. Достал из кармана рясы бутылек, открыл его, макнул в него кисточку, которую достал из другого кармана, и начал рисовать на лбу брюнетки какие-то знаки, издалека казавшиеся темными кляксами. Пленница задергалась, извиваясь, но слуги зафиксировали ее на месте. Священник продолжал читать молитву и рисовать знаки не только на лбу, но и на щеках, подбородке, полуобнаженной груди и руках одержимой. Потом снял с нее туфли на завязках, а подошедшая аббатиса срезала белые чулки со ступней. Священник нарисовал знаки и на них, и я уже подумала, что все эти манипуляции – фикция, рассчитанная показать, что было сделано все возможное и пора отправлять жертву на костер (а здесь иногда происходило и такое), но вдруг женщину сильно затрясло, священник быстро вырвал кляп из ее рта и из него повалила пена.

Мы с Ланаей испуганно вцепились друг в друга, но не могли отвести взгляда от разворачивавшегося действа. Все походило на эпилептический припадок.

А может, это он и был? Может, все эти истории про духов изнанки и одержимость – всего лишь байки, призванные держать людей в повиновении и убирать с дороги неугодных? А эта бедная пленница просто больна и ей нужна медицинская помощь? Я-то сама кто? По сути, тот самый вселившийся непонятно откуда дух, но меня ведь никто в этом не уличил, и кровожадных мыслей у меня и в помине нет.

Не знаю, до чего бы я додумалась, но женщина вдруг выгнулась особенно сильно. Священник оказался рядом с ее лицом, выкрикнул что-то особенно громкое, и изо рта несчастной повалил черный дым, оформляясь в зависшую над ее лицом кляксу. Она извивалась, темнела, уплотнялась, и мне от этого становилось все страшнее и страшнее. Фильм ужасов какой-то! Только вот мы с Ланаей находились не по ту сторону экрана.

Священник продолжал читать молитву теперь уже громко и четко, но я не понимала ни слова. Внезапно в его руках засветился белый сгусток света, и у меня чуть глаза от такого зрелища не потерялись! Я была уверена, что попала в самый обычный мир, а тут такое! Магия!

Шар в руках священника увеличился. Храмовник толкнул его в сторону кляксы. Встретившись, свет и тьма замерцали. Мне показалось, что в месте их соприкосновения сама ткань

мироздания начала истончаться, сделав пространство серым и блеклым, а потом все резко пропало: и свет, и тьма.

Мы с Ланаей облегченно выдохнули, все еще не в силах расцепить руки и отодвинуться друг от друга.

Священник устало утер лоб, и аббатиса поспешила подставить ему локоть и усадить на лавку неподалеку. Одержимая больше не тряслась, а лежала без чувств или спала. Слуги начали разматывать связывавшие ее веревки. Все вновь стало обычным. Мы уже хотели уйти, но я увидела широкоплечего мужчину в черном. Он подошел к несчастной и опустился около нее на одно колено. С нашего ракурса невозможно было рассмотреть, что он делает, как и его лицо. Но почему-то мне стало важно его разглядеть. Зачем? Кто бы мне сказал…

Ланая дернула меня за рукав и одними губами прошептала:

– Пошли.

Я кивнула и обернулась, чтобы бросить последний взгляд на то, что происходит внизу, и поняла, что мужчина смотрит прямо на меня. Мои глаза расширились, сердце в панике забилось о ребра, и я нырнула за перила, а потом и вовсе заскочила вслед за Ланаей в маленькую дверцу.

Вот только это был не просто неизвестный мужчина. Это был тот самый мужчина, который вытащил меня из пруда. Но хуже всего, что он тоже меня узнал.

А еще я поняла, что очень сильно попала. Ведь этот «о

боже, какой мужчина» оказался не кем иным, как страшным и ужасным канцлером королевства Эфрон, подданной которого я теперь являлась.

Глава 3. Опасения

– Он меня видел! Канцлер меня видел! – зашептала я подруге, когда мы добежали до нашего коридора.

– А это был сам канцлер?! Не может быть! – то ли восхитилась, то ли ужаснулась она. – Откуда ты знаешь?

– Видела его на одном приеме, – отмахнулась я.

Выуживать информацию из памяти Анны было легко. Я уже к ней адаптировалась. Присутствие канцлера на дороге неподалеку от монастыря меня удивило, но мало ли, что он там делал. А сегодня стало понятно, что он тесно связан с церковью. Вот, лично одержимую сюда привез. Интересно, кто она такая, раз сам канцлер занимался ее транспортировкой, и как она стала одержимой?

Но все эти вопросы были неуместными в данную минуту, и я быстро их отмела.

– Надо же, а я в нашей провинции никого знатнее губернатора никогда и не видела.

Канцлер, который, на минуточку, еще и герцог, подругу явно впечатлил.

– Неважно! – зашептала я. – Беги к себе. Тебя он, кажется, не заметил, а вот я, похоже, нарвалась на наказание.

– Хорошо, если простое наказание, а не увеличат срок пребывания в монастыре. Я слышала, что такое бывало, –

ужаснулась Ланая.

До нее наконец дошла вся серьезность ситуации. Дело в том, что мы с ней, как бы это правильно охарактеризовать… отбывали наказание послушанием в монастыре. В королевстве такой закон: если девушка провинилась перед обществом, преступила нормы морали или как-то иначе себя дискредитировала, ей давался второй шанс. Считалось, что если она пробудет в монастыре установленное настоятелем ее храма время и отмолит свой грех, то сможет снова вернуться в общество обновленной и чистой перед Пресветлым и людьми.

Де-юре так оно и было, но де-факто никто, разумеется, не забывал промаха девицы. Но шарахаться уже не шарахались и на приемы приглашали. Припоминать случай, из-за которого она попала в монастырь, тоже считалось нетактичным, однако это не мешало делать обидные намеки. У такой девушки снова появлялся шанс выйти замуж и устроить свое будущее, но ни о какой блестящей партии уже не могло быть и речи. В общем, божий закон был и соблюдался, а люди – все равно люди.

Что касается Ланаи, то она попала в монастырь несколько месяцев назад и всего на полгода. Как я поняла, ее подвела эмоциональность. И кажется мне, что настоятель был к ней очень лоялен. Насколько я успела узнать, здесь отправляли в монастырь на больший срок и за меньшие прегрешения. А виновата Ланая была в том, что поверила брачному аферисту

и согласилась бежать с ним венчаться в ближайший храм. Ситуация усугублялась тем, что у нее уже был жених.

– Мне так жаль, что я поддалась порыву! – вздыхала Ланая, рассказывая мне свою историю. – Ведь Жак, мой настоящий жених, очень меня любит. И пусть он немного полноват и не так красив, но, представляешь, он меня простил! И сказал, что будет ждать. – Ланая всхлипнула. – Какая же я была дура!

– Ничего, главное, что тебя с тем аферистом догнали и вы не успели повенчаться. И теперь ты знаешь, кто есть кто, и больше не совершишь прошлых ошибок, – утешала я подругу.

В этот момент она казалась особенно хорошенькой, и я понимала парня, который влюбился в ее рыжие кудряшки, задорно вздернутый носик и блестящие зеленью глаза. Ну чистая ведьма! Так бы ее заклеймили в наше Средневековье.

Но полгода в монастыре для такой деятельной девушки – целая жизнь.

К удивлению, меня не вызвали к аббатисе ни через час, ни через два, ни на следующий день, ни через неделю. И если поначалу я дергалась, ожидая неприятного разговора, то потом меня посетило даже некоторое разочарование. Жизнь в монастыре была настолько скудной на впечатления и однообразной, что я поймала себя на мысли, что была бы не про-

тив пообщаться с канцлером и обсудить увиденное в церкви. Мне очень хотелось знать больше об одержимых и о том, что увидела той ночью. Я пыталась найти информацию в книгах монастырской библиотеки, но из того, что было разрешено читать, выудила лишь то, что и так знала о духах изнанки. Я даже несколько раз заговаривала с монашками на эту тему, но быстро поняла, что если буду и дальше настаивать, то меня ждет неприятный разговор с аббатисой и не самая простая епитимья[1]. В монастырях святого Корела вообще большую часть дня принято соблюдать тишину, чтобы монашки могли сосредоточиться на молитве, а болтовня, тем более о духах изнанки, не приветствовалась.

Но мы с Ланаей частенько нарушали это правило и тихонько разговаривали во время изготовления свечей. Свободного времени у нас было крайне мало. Мы или работали, или трапезничали, или молились, или… или молились. И лично я молилась о том, чтобы время моего заключения в монастыре скорее подошло к концу. Я хотела жить полной жизнью! Умерев, я поняла, как много не успела и не сделала и не хотела терять ни минуты. И тем тяжелее мне было переносить заточение. Были мысли бежать из монастыря. Я даже поделилась ими с Ланаей, но она быстро разложила мне все по полочкам.

– После такого семья точно от тебя откажется, и

[1] У верующих: церковное наказание (посты, длительные молитвы и т. п.)

останется только идти на паперть или в куртизанки. Уж лучше я полгодика проведу здесь и буду иметь возможность вернуться к нормальной жизни.

– А если пойти работать гувернанткой или, скажем, писарем?

Подруга хмыкнула.

– Без рекомендаций или хотя бы диплома об окончании женской гимназии для нас этот путь закрыт. В писари же вообще только мужчин берут.

– Н-да… У меня было домашнее обучение, – припомнила я.

– И у меня. Поэтому нам нужны рекомендации, но, сама понимаешь, сейчас нам их никто не даст. Можно, конечно, попытаться сдать экзамены в гимназии экстерном, но для этого нужно заплатить немаленькую сумму. А денег на это у нас с тобой нет, и взять их неоткуда, – рассуждала Ланая, окуная фитиль в воск. Свечи здесь делали именно так: многократным окунанием в расплавленный воск, пока не наберется достаточный слой. – Можно, конечно, попытаться устроиться гувернанткой к какому-нибудь вдовцу. Таким симпатичная мордашка важнее рекомендаций. Но чем мы тогда будем отличаться от куртизанок?

– И не поспоришь… Неужели у аристократок без рода за спиной вообще нет никаких вариантов?

– Есть, – кивнула Ланая. – Монастырь.

На этом тот наш разговор и закончился.

– Послушница Анна, – позвала меня монашка, отвлекая от чтения молитвенника.

Вернее, от размышлений, которые я прикрывала чтением. Ну не было во мне достаточно смирения, чтобы постоянно молиться. И вообще со смирением у меня вышла промашка. Наверное, потому даже не умерла по-человечески.

Я вздохнула и подняла голову.

– Тебя вызывает аббатиса. Поторопись, – строго произнесла монашка и повернулась, уверенная, что я тут же последую за ней.

Вызывает? Зачем? Я в чем-то провинилась? Или… Мне очень хотелось задать эти вопросы, но я уже знала, что это бесполезно. А потому встала и, да, пошла следом.

Когда вошла в кабинет аббатисы, то не поверила своим глазам! Там вместо ожидаемой персоны за массивным дубовым столом сидел канцлер. А когда дверь за моей спиной захлопнулась, я осознала, что, кроме нас двоих, в кабинете никого нет.

Глава 4. Непристойные предложения и решения

– Добрый день, Анна, заходите, не стойте у дверей, – любезно показал мне на стул перед столом канцлер.

Эх, симпатичный все же мужчина. Такой, как сказала бы моя подруга Ленка, у которой любовь всей жизни менялась примерно раз в месяц, «Р-р-р, тигр, а не мужик». Но это последнее, о чем мне нужно сейчас думать, а потому я решительно отмела эти мысли.

Почему он здесь один?! Я крутила ситуацию и так и эдак, но не могла понять его целей. А после того, что Анне устроили во дворце, я опасалась подставы. Но зачем мне ее устраивать сейчас? Может, у моего отца (именно так – уже моего, потому что жить очень уж хочется) снова какие-то проблемы и надавить на него через меня – лучший вариант? Вряд ли, конечно, но что я знаю о дворцовых интригах, которые Анна успела зацепить лишь краешком и то вляпалась по самое не хочу? А хотел бы он припомнить мне мое появление ночью в церкви, сделал бы это в первый же день. Потому я решительно заявила:

– Добрый день, господин канцлер. Не могу.

– Почему? – Его бровь выгнулась.

– Видите ли, я нахожусь в этом благословенном месте, чтобы замолить свои грехи, а не накопить новые. Не хотелось бы задержаться здесь еще на неопределенное время только потому, что провела наедине с мужчиной лишнюю минуту. Так что извините, но мне пора. – Развернулась и взялась за ручку двери.

– Никто вас, конечно, не держит, но, как только вы выйдете, упустите шанс выбраться из монастыря уже через две недели.

Я застыла. Покинуть монастырь хотелось очень сильно. С другой стороны, если бы канцер хотел замуровать меня здесь навечно, то вряд ли лично бы участвовал в подобной интриге. Я снова развернулась к нему и, изобразив улыбку, села на предложенный стул.

– Пожалуй, я доверюсь благородству столь уважаемого человека, как вы, господин канцлер.

В глазах мужчины проскочили смешинки, но он никак не прокомментировал мое возвращение. Лишь изучающе меня рассматривал, словно видел первый раз. Мне это не нравилось, и я решила прервать молчание:

– И все же… Могу я узнать, где досточтимая мать[2]? Не думала, что она может уступить кому-то свой кабинет даже на время.

– Досточтимая мать всегда рада помочь своему ближнему и слишком занята, чтобы вникать в мирские дела.

---

[2] Обращение к аббатисе

«Ага, особенно если этот ближний – сам канцлер, – подумала я. – И это нехорошо». Но сказала я другое:

– Вы хотите обсудить со мной мирские дела?

– Именно, – чуть улыбнулся мужчина, продолжая меня изучать. – Знаете, несколько месяцев в монастыре сильно вас изменили.

– Если быть точной, то четыре месяца и восемь дней.

Я уже на полном серьезе подумывала о том, чтобы делать в келье небольшие зарубки, как вещественное подтверждение прошедших дней.

– Н-да? – Канцлер снова чуть выгнул бровь. – Тогда мое предложение может вам понравиться. – Я изобразила готовность слушать, и канцлер продолжил: – Мне нужно, чтобы вы привлекли внимание одного мужчины.

Мои брови поползли вверх, а потом я почувствовала возмущение.

– Правильно ли я вас поняла, господин канцлер: вы хотите, чтобы повторилось ровно то, из-за чего я попала в это, м-м-мать его святая женщина, благословенное место?

Кажется, я даже привстала, так меня возмутило это предложение. Но канцлер остался совершенно спокоен и любезно пояснил:

– Не совсем. В идеале он должен на вас жениться. – Сказав это, мужчина снова меня оглядел, и я отметила в его взгляде чисто мужское одобрение. Гад! – И не стоит беспокоиться. Если все получится, то партия вас ждет весьма блестящая.

Поверьте, учитывая ваши обстоятельства, вы на такую уже не могли бы претендовать. Ради этой партии я даже помогу вашему отцу вернуться в фавор к королю и…

Он еще что-то говорил, а я размышляла, что, предложи он мне соблазнить его самого, я бы подумала. Не девочка ведь уже давно… была… Н-да, сейчас-то уже хоть присказку переиначивай: баба девочка опять.

Нет, такой вариант – тоже не вариант в местном обществе. И в данных реалиях то, что он мне предлагал, не могло не вызывать возмущения, особенно на фоне воспоминаний о том, почему Анна оказалась сослана в монастырь, а по дороге решила прыгнуть с моста…

Дворец сверкал огнями и поражал роскошью. Я восторженно оглядывалась, поначалу даже не замечая деталей. Я попала на бал! На мой первый бал в королевском дворце! Я всю жизнь прожила в загородном имении, и местечковые приемы мелких аристократов не шли ни в какое сравнение с тем, что предстало передо мной сейчас. Великолепные дамы и кавалеры, разряженные и обвешанные такими драгоценностями, что за некоторые из них можно купить половину нашего небогатого графства.

Я не могла поверить, что находилась здесь! Еще полгода назад мой отец не мог бы рассчитывать на подобную милость, но во время последнего локального конфликта на границе он умудрился спасти жизнь самому королю, и за это

тот приблизил отца к себе! Я до сих пор не понимала, зачем его величество захотел посмотреть на военные действия, но считала, что его привела туда рука Пресветлого, как и подвела к нему моего отца.

А как мы готовились к этому балу! Мачеха не переставала повторять, как нам важно показать себя с лучшей стороны. Не всем в свите короля понравилось, что рядом с ним появилось новое лицо, которое он начал осыпать милостями, а потому мы должны вести себя безупречно!

Но все наставления почти вымело у меня из головы, когда я оказалась на балу! Я видела самого короля и принца! А потом танцевала, улыбалась, кокетничала с кавалерами и не замечала неприязненных взглядов. Зачем? Мачеха с отцом смотрели на меня одобрительно, и я понимала, что все делала правильно.

А потом я увидела ЕГО: сына старого герцога ан Бриера, графа Леонардо ан Альманди!

Наверное, я влюбилась с первого взгляда. А когда он пригласил меня на танец, едва не потеряла дар речи от счастья.

– Анна, признаться, я думал, этот вечер станет для меня таким же скучным, как всегда, но вы озарили его своим присутствием и заставили мое сердце биться чаще.

Я покраснела и опустила глаза. Таких куртуазных комплиментов мне еще не делали.

– Вы меня смущаете, – пролепетала я, а граф продолжил

забрасывать меня комплиментами, от которых я млела.

В тот момент я была самой счастливой девушкой на свете. Граф весь вечер был неподалеку и бросал на меня пламенные взгляды. Если бы не светские условности, я бы танцевала только с ним! Но приходилось отвлекаться на другие танцы и кавалеров, однако я забывала о них сразу же, как звучал последний аккорд мелодии, под которую мы танцевали.

А потом одна из моих новых подруг, с которыми меня познакомили прямо здесь, на балу, отвела меня в сторону и прошептала на ухо:

– Хочешь побыть с Леонардо наедине?

– Что? – возмутилась я такому предложению.

Но мои щеки предательски заалели. Уж если с кем я и мечтала остаться один на один хоть на секундочку, так это с ним. Повернув голову, я увидела, что Леонардо смотрит на меня, и, вспыхнув еще больше, отвернулась.

– А что здесь такого? – продолжила подначивать меня новая подруга. – Сейчас в обществе это даже модно. – Я удивленно на нее посмотрела, и девушка тут же добавила: – Неофициально, конечно, и недолго. Думаешь, почему вокруг бального зала столько свободных комнат?

– Почему? – тут же спросила я, и подруга закатила глаза, удивляясь моей провинциальности.

А я ведь и в самом деле не знала всяких столичных нюансов и штучек и, когда шла на бал, опасалась именно этой

своей неосведомленности.

– Чтобы пообщаться без лишних ушей и глаз, – прошептала она особенно яростно, а потом игриво добавила: – Граф хочет узнать тебя поближе. А здесь, когда вокруг столько людей, это невозможно сделать.

– Пусть тогда приезжает к нам завтра в гости, – смущенно ответила я, трепеща только от одной мысли, что он захочет увидеть меня снова.

– Приедет, конечно! Но неужели ты сама не хочешь хотя бы минуточку побыть с ним наедине? – продолжала искушать меня она.

«У нас в провинции за такие уединения могут и в монастырь отправить, но здесь ведь столица… Да и граф – благородный человек. Он не позволит себе лишнего по отношению к девушке. Ведь так?» – мысленно рассуждала я, поглядывая на Леонардо, продолжавшего кидать на меня пламенные взгляды.

– Не бойся, я постою у комнаты и предупрежу, если кто-то появится рядом. Никакого урона чести не будет.

Я представила, как мы с графом остаемся наедине, он целует мне руку и, встав на одно колено, говорит, что сражен моей красотой и свежестью, что хочет видеть меня каждый день и будет рад приехать завтра в гости. А потом, возможно, он меня даже поцелует.

От этих мыслей стало жарко.

– Так как? Между прочим, мне и так есть чем занять-

ся, – сделала недовольное лицо подруга, – а не уговаривать тут тебя. Я, можно сказать, для тебя стараюсь. – И сделала вид, что собирается уйти.

Я невольно ухватила ее за руку. Сердце стучало в груди как сумасшедшее, мысли перескакивали с одного на другое.

– Постой! – У меня на мгновение перехватило дыхание от собственной смелости, но я произнесла: – Хорошо. Только на минуточку.

И даже зажмурилась, не веря, что согласилась на подобное. А когда снова открыла глаза, решила отказаться, но наткнулась взглядом на ослепительную улыбку Леонардо, и слова застыли на губах.

Как подруга вела меня через зал, я запомнила плохо. Голова пылала, как в лихорадке. Оказавшись в пустом коридоре, я немного пришла в себя, но меня тут же потянули дальше, и не успела я опомниться, как возникшая перед глазами дверь открылась и подруга подтолкнула меня внутрь полутемной комнаты.

Леонардо уже меня ждал. Как и в моих мечтах, он тут же оказался рядом и хоть и не упал на одно колено, но поцеловал руку и зашептал комплименты.

Голубоглазый блондин с идеальными чертами лица. В этот момент он показался мне красивее всех парней, которых я когда-либо видела. Леонардо потянул меня внутрь комнаты с одиноко горящей на столе свечой, и я, как сомнамбула, двинулась следом. Но внезапно увидела стоявшую

чуть правее кровать и дернулась, немного приходя в себя. Таких компрометаций мне не нужно! Но Леонардо успокаивающе сжал мою ладонь и погладил ее большим пальцем, отчего у меня побежали странные мурашки и слова возмущения застыли на губах. А потом он обхватил меня за затылок и поцеловал. Никогда не думала, что обычный поцелуй может так кружить голову!

А потом начался сущий кошмар.

Дверь с грохотом отворилась, и в комнате стало ярко от многочисленных свечей. (И откуда только они взялись?) Послышались возмущенные ахи и вздохи. В первых рядах я увидела злорадно ухмыляющееся лицо «подруги». А позади полные ужаса глаза мачехи.

Нет-нет, так не должно было случиться!

Я посмотрела на Леонардо, пытаясь найти в нем защиту от всего этого, но наткнулась на его холодный безразличный взгляд.

– Я всего лишь хотел развлечься, и девушка оказалась не против, – произнес он, и мне показалось, что пол ушел у меня из-под ног.

Далее было унизительное освидетельствование лекарем о том, что я еще девушка; домашнее заточение; разговор с настоятелем храма, который наложил на меня епитимью годового пребывания в монастыре; разговор с отцом о том, как я его подвела и каким ударом для репутации рода оказалось мое поведение, ведь король подобного не любил и уже

выказал моему отцу свое неудовольствие по этому поводу; нескончаемые причитания мачехи о том, что я поставила под удар будущее своих братьев и сестер. Последней каплей стали тихие, но от этого не менее колющие душу слова тетушки о неблагодарности и том, что теперь я, как и она, могу навсегда остаться старой девой, буду прозябать, нянча своих непутевых племянников, и никогда не увижу женского счастья.

Чувство вины, ощущение предательства, растоптанная первая любовь, беспросветное отчаяние, в которое превратились все последние дни, – все это и привело к тому, что красивая восторженная девочка решила умереть, лишь бы это все закончилось. Бесконечное «ты должна» и «как ты могла» вместо «мы тебя любим и все переживем». Ей хватило бы одного слова поддержки, чтобы удержаться на краю и все выдержать. Но вышло как вышло, и теперь… я здесь вместо нее.

И будь на моем месте прежняя Анна, она бы наверняка отказалась от предложения канцлера, но здесь теперь я.

– Говорите, нужно привлечь внимание мужчины и в идеале женить его на себе?

– Именно.

– Зачем?

– Это вас не должно интересовать.

– И тем не менее. Если бы вам нужно было только это, вы

бы нашли менее скандальную персону, чем я.

Мужчина усмехнулся.

– Я рад, что мне попалась такая умная мадемуазель. Теперь я уверен, что сделал правильный выбор. Все и в самом деле не так просто, как кажется. – И внезапно огорошил меня вопросом: – Что вы знаете об одержимых?

Глава 5. Женское любопытство

Что я знаю об одержимых?

Первой мыслью было: он знает, что я ненастоящая Анна! Потом волна паники схлынула, и я сообразила, что в таком случае он не выглядел бы таким спокойным. Наверное. В любом случае нужно срочно брать себя в руки.

– Что я знаю об одержимых? – протянула я, давая себе время собраться с мыслями. А то молчание слишком сильно затянулось. – Лишь общеизвестные факты о том, что духи изнанки могут вселиться в человека в минуты глубокого отчаяния, когда он обращается не к Пресветлому и его святым, а к Темному и его цепным псам. Вселение духа изнанки выпивает из человека все жизненные силы, и в итоге одержимый умирает, но до этого чаще всего успевает убить не только своих обидчиков, но и своих близких.

– Почему же вы интересовались этой темой у монашек?

Н-да, кажется, здесь доносят каждое мое слово. А я, наивная, думала, что мой интерес никто не заметил.

– Любопытство, – пожала я плечами. – Та ночь… – Я многозначительно посмотрела на канцлера, намекая, какую именно ночь имела в виду, ведь притворяться, что «я не я, и

лошадь не моя»[3], – глупо. В глазах мужчины блеснуло что-то непонятное, но он понимающе кивнул. – Мне захотелось больше узнать об этом явлении. Но, к сожалению, я не смогла найти в монастырских книгах ничего, кроме того, что уже знала, а монахини на мои вопросы отвечать не захотели.

– И почему вы думаете, что знаете не все об этом, как вы выразились, явлении? – заинтересованно смотрел на меня мужчина.

– Видите ли… – Я ступила на довольно тонкий лед, как бы не провалиться. Но не говорить же, что сама являюсь непонятно кем? То ли душой изнанки, то ли… Кем? Просто заблудившейся душой? И мне хотелось бы понять, как и почему я оказалась в этом мире. – Я видела в церкви ту женщину. Красивая, богато одетая, явно аристократка. А раз ее привезли лично вы, то совсем непростая. Что могло ее заставить впасть в такое отчаяние, чтобы решиться призвать в себя дух изнанки? Ведь все знают, что тогда человек умрет. – Канцлер слушал мои рассуждения и кивал, как бы подбадривая меня продолжать. – Конечно, я могу и ошибаться. Я ведь и в самом деле ничего не знаю о той женщине. Но я подумала: а нет ли каких-то способов призвать дух изнанки в тело человека, минуя его волю? Эта мысль показалась мне страшной, отталкивающей, но это сподвигло меня попытать-

---

[3] Это выражение – часть русской пословицы. Полностью она звучит так: «Я – не я, лошадь не моя, и сам я не извозчик». Вероятнее всего, эта фраза пошла от извозчиков, которых иногда нанимали воры-домушники для перевозки краденого.

ся узнать больше.

– Какие интересные у вас рассуждения… – Канцлер задумчиво постучал указательным пальцем по губам.

– Не так давно мне наглядно доказали, что есть те, кого не сдерживают никакие моральные принципы и кому чуждо сострадание. И теперь я очень скептически отношусь к порядочности некоторых людей и готова допустить всякое.

– Да, вам пришлось очень быстро и болезненно повзрослеть.

Я поморщилась, не желая обсуждать эту тему. Я еще обязательно найду способ отплатить «учителям» Анны за их науку, но пока мне нужно понять, чего же на самом деле хочет от меня канцлер.

– Так кем была та одержимая?

Мужчина хмыкнул.

– А вы умеете задавать правильные вопросы, – прищурился он. – Это была фаворитка короля.

Гулять-колотить… Это куда же хочет меня втянуть этот змей? Но любопытство, которому в монастыре негде разгуляться, так заскребло душу, что я не смогла промолчать:

– И что же, она была так несчастна на своей должности, что решила обратиться к Темному божеству?

– Все у этой дамы было в порядке на ее… хм, должности. Просто внезапно она накинулась на короля с намерением его убить. И если бы не… – канцлер на мгновение запнулся, из чего стало ясно, что он сильно фильтрует свои слова,

что неудивительно, – некоторые обстоятельства, графиню бы просто убили, и мы бы так и не поняли, что случилось.

– А она сама что рассказала?

На лице канцлера появилась кривая усмешка:

– Это не та информация, которую вам стоит знать.

– Хорошо. Но чего вы хотите от меня? И зачем тогда задавали эти вопросы?

– Как я уже и сказал, вы должны привлечь внимание одного человека и тщательно следить за его окружением. Мы не можем позволить, чтобы с этим человеком что-то произошло, пока он будет у нас в гостях, а в свете открывшихся странностей может случиться всякое.

– В гостях? – уловила я главное. – Он не из нашего королевства?

– Если вы согласны, я дам вам всю необходимую информацию.

Вот же змей! Нужно уметь так распалить женское любопытство! Но не любопытством единым, как говорится.

– Что в таком случае получу я? Ну, кроме досрочного освобождения.

– «Досрочного освобождения»? – Канцлер усмехнулся. – Интересная аналогия. Так вот, как и говорил, я помогу вашему отцу снова войти в фавор к королю. Вы, если подсуетитесь, сможете получить весьма высокопоставленного жениха и полностью восстановить репутацию. Разве этого мало?

В принципе, в данных обстоятельствах это более чем ши-

карное предложение, тем более для девицы с подмоченной репутацией. Что же касается меня самой… А что такого уж плохого предложил канцлер? Получить мужа, семью и завести наконец детей? В этом мире женщина без мужчины не сможет достичь никаких высот. Я смотрю на вещи рационально и предпочитаю их называть своими именами.

Да и, если быть честной с собой, мне надоело уже делать карьеру. Ну, работала я в компании, поднялась от офис-менеджера до руководителя отдела, и в ближайшую пятилетку мне пророчили должность руководителя нашего филиала – и что? Была ли я счастлива? Исполнила ли свою заветную мечту о семье и детях? Много ли времени уделила себе лично, постоянно работая сверхурочно? А сколько еще таких «ли»?

В этой жизни я хотела, чтобы все повернулось иначе. И кто сказал, что тот загадочный мужчина будет плохим или не подойдет для создания моей семьи? Может, это как раз тот самый шанс стать счастливой? Но я не исключала и того, что все может случиться наоборот. А с противным мне мужчиной я жить не хочу. И что бы я там себе ни думала, а полюбить все-таки хочется. Я ведь женщина, а не камень, и ничто человеческое мне не чуждо.

– А любовь? – невольно вырвалось у меня.

На лице канцлера появилось полное скепсиса выражение.

– Анна, неужели родители вам не объяснили, что при замужестве для аристократки любовь – не обязательное условие?

Что это я в самом деле? И кому задаю такие вопросы?! Хотя… Судя по той информации, что удалось выудить из памяти Анны, сам канцлер сейчас не был женат. А предыдущий его брак закончился плачевно. Так что ожидать от него понимания в этом вопросе точно не стоило. Любовь – не обязательное условие, говоришь? Ладно. Но попаданка все равно решит сама, когда и за кого ей выходить замуж. Неужели при желании я не смогу отвадить неугодного жениха? Тем более моя семья не так уж и богата, чтобы выбрать меня из множества претенденток на руку и сердце только за благосостояние и связи. Так что осталось уточнить лишь один момент.

– А если я буду не во вкусе того мужчины и у меня не получится привлечь его внимание?

– Вам не стоит об этом переживать. Согласно отчету аналитиков, вы вполне в его вкусе. И… – канцлер посмотрел мне в глаза, – поверьте, вы способны привлечь внимание любого мужчины.

От этого взгляда я внезапно покраснела. Надо же. Он на что-то намекает? Или просто вселяет уверенность в юную деву? Да уж, змей, а не канцлер.

– Хорошо, я согласна.

– Отлично, тогда через неделю я оформлю все бумаги, и за вами приедет карета. А пока я оставлю вам вот эту книгу, – пододвинул он к себе небольшой томик, обернутый в темную кожаную обложку. – Читать ее можно будет только здесь, в присутствии досточтимой матери аббатисы.

Мой взгляд прикипел к книге, но я уточнила:

– А что насчет мужчины, внимание которого мне нужно будет привлечь?

– Я все вам расскажу, когда вернетесь ко двору. Надеюсь, на этот раз вы будете вести себя более осмотрительно.

– Я тоже на это надеюсь, – пробормотала я, обдумывая, не совершаю ли ошибку, соглашаясь на предложение канцлера.

Но поворачивать назад уже не хотела.

***

Я думала, что эта неделя будет тянуться как жвачка, но, к удивлению, она пролетела так быстро, что я не до конца поверила, когда аббатиса лично пришла меня проводить и помахать напоследок платочком.

В монастыре меня ничто не держало, разве что подруга, но и она скоро отправится домой. И все же мне отчего-то было грустно покидать это место. Я внезапно осознала, что совсем скоро буду вспоминать спокойное умиротворенное время, которое я провела в монастыре, и даже скучать по нему. Здесь все было просто и размеренно. Я знала, когда и куда идти и что делать. Знала, что будет завтра, послезавтра, через неделю или даже через месяц. А сейчас передо мной открывался большой чужой мир, в котором мне будет непросто, но точно интересно.

Да, скоро я буду скучать по обители и спокойному време-

ни, но сейчас мне хотелось занять место кучера и хлестать лошадей, чтобы поскорее везли меня в новую жизнь.

– Анна, – подошла ко мне расстроенная подруга, – и как мне прожить здесь без тебя оставшийся срок? – всхлипнула она, но тут же ухватила меня за руку и улыбнулась. – Нет, ты не подумай! Я очень рада, что настоятель пересмотрел свое решение и ты возвращаешься к нормальной жизни. Просто… я буду скучать. – Она подняла на меня зеленые глаза, в которых блестели слезы.

– Я тоже буду скучать, Ланая, – обняла я ее и прижала к себе покрепче. – Приезжай ко мне в гости. Я всегда буду рада тебя видеть.

Она отстранилась и, шмыгнув носом, смущенно улыбнулась:

– Разве что уже с мужем.

– Приезжай с мужем. В столице всегда есть чем заняться.

– И ты приезжай в гости. И… – Она вдруг наклонилась к самому моему уху и зашептала: – Даже если еще раз попадешь в такую ситуацию и решишь сбежать, я всегда буду рада помочь. Несмотря ни на что.

– Спасибо, дорогая. Ты не представляешь, как ценны для меня эти слова. Береги себя. И знай, что тоже всегда можешь обратиться ко мне за помощью.

Мы снова обнялись, и я подошла к аббатисе, чтобы поцеловать ее перстень и получить напутственные слова.

– Не забывай дни, проведенные в аскезе в нашем мона-

стыре. И помни: мы всегда рады видеть тебя здесь, дитя.

Я поклонилась аббатисе и наконец забралась в карету. Бросила последний взгляд на монастырь, Откинуласьна спинку сиденья и облегченно выдохнула. Прикрыла глаза и вспомнила ту книжицу, что дал мне почитать канцлер. Это была легенда, забытая сказка или что-то вроде этого, написанная хоть и понятным, но витиеватым языком со множеством странных слов, значение которых я понимала по общему смыслу повествования. Это как современному русскому человеку дать почитать книги трехсотлетней давности: вроде бы и язык русский, и слова почти все знакомые, а речевые обороты другие.

И рассказывалось в книге о сотворении мира. О двух богах-братьях, что поделили его между собой. Один выбрал материальный и понятный людям мир, а другой изнанку – место, куда души людей уходят после смерти. Изнанка в сказке описывалась как весьма интересное место, где души проходят очищение не только от грехов, но и от боли, сомнений, злости, досады, ненависти и других негативных чувств, что сжигали ее во время жизни. Это не быстрый процесс, но постепенно душа, проходя по уровням изнанки, очищалась и обретала радость, покой и право выбора: вернуться на землю и пережить опыт очередного воплощения или остаться с богами.

Но были такие грязные души, которые застревали на первом уровне изнанки на долгое время. Они утрачивали себя,

утопая в собственной злобе, и именно такие души и могли подселиться к переполненным такими же болью и ненавистью душам, еще живущим в материальном мире.

Долгое время люди чтили обоих богов, хотя и назвали первого брата Пресветлым, а второго Темным. Постепенно и у Пресветлого, и у Темного появились свои жрецы и храмы, хотя у второго гораздо меньше. И в какой-то момент Темный преподнес своим жрецам дар: возможность призывать духов изнанки в тела еще живых людей.

Я не совсем поняла зачем. В книге этот момент описывался как-то вскользь. Мне вообще показалось, что эту легенду переписали и при этом выкинули множество важных моментов. В любом случае книга давала ответы на некоторые вопросы, но и порождала новые. Оригинал легенды все равно вряд ли когда-либо попадет в мои руки, но пелена тайны хоть немного развеялась.

Так вот, я не думала, что изначально Темный бог хотел чего-то плохого. Хотя что я знаю о богах? Однако его дар люди начали использовать в своих целях, и начался настоящий хаос. Чтобы спасти ситуацию, Пресветлый дал своим жрецам дар изгонять подселенные души обратно в изнанку, и это помогло многим вернуть своих близких. На жрецов Темного тем временем началась охота, и постепенно их истребили, а самого Темного бога перестали чтить и упоминали только в негативном ключе и вообще постарались забыть о том ужасе, что пережили во время противостояния жрецов.

Вот такая легенда. И я почему-то уверена, что или истребили не всех жрецов, или новый адепт Темного каким-то образом сумел снова заполучить этот дар. В ином случае канцлер не дал бы мне ознакомиться с этой легендой. А если я права, то становится понятно, зачем ему нужен доверенный человек рядом с важной для него персоной, ведь охранники могут следовать за аристократом далеко не везде и не всегда. А на меня, если что, можно надавить и напомнить об услуге, оказанной не только мне, но и моему отцу. Да, канцлер действовал и в своих интересах, но я не против. Ведь делая меня более привлекательной в глазах того самого неизвестного аристократа, он играл на руку и мне: чем весомее будет фигура отца при дворе, тем интереснее я буду как невеста. Что бы там канцлер себе ни думал, я намерена выбрать в мужья мужчину по душе. И чем шире у меня будет выбор, тем лучше. А если никто не понравится, то я найду чем заняться в жизни. Не мужиками едиными, как говорится.

Но как же интересно, к кому именно ведет меня канцлер!

Глава 6. Неожиданные вводные

Дома меня уже ждали. Более того – радовались моему приезду так, что я заподозрила, что канцлер лично пообщался с отцом о моем будущем. По крайней мере никто ни разу меня не попрекнул. Пресекались даже безобидные шутки о моем пребывании в монастыре. И скоро младшие братья и сестры перестали даже заикаться о причине моего почти полугодового отсутствия.

А вечером, подтверждая мои мысли, ко мне в комнату зашел отец.

– Анна, не знаю, как тебе это удалось, но в твоей судьбе оказался заинтересован сам канцлер. Я говорил с ним недавно, и… это меня сильно удивило. Не скрою, я за тебя рад, но хотелось бы знать подоплеку такого интереса.

– Боюсь, отец, я тоже мало что понимаю, – подбирала я слова. Если канцлер ничего не рассказал отцу, то и мне вряд ли стоит трепать языком. – Мы случайно пересеклись в монастыре, когда он зачем-то приезжал к досточтимой матери аббатисе. Возможно, он меня пожалел?

Отец криво усмехнулся:

– Вот уж чего за нашим канцлером замечено не было. Не зря он в таком молодом возрасте занял свой пост.

– А сколько ему лет? – заинтересовалась я.

– Тридцать два. А стал он канцлером в двадцать девять после кончины предыдущего.

– Ничего себе, – впечатлилась я.

Борода делала канцлера старше, и мне казалось, что ему где-то под сорок. Какой выдающийся мужчина. В таком возрасте стать угодным и иерархам церкви, и королю – это нужно постараться. Я уже успела узнать, что на этот пост ставят с благоволения сразу двух этих инстанций.

– Вот и я о том же. – Отец, на висках которого уже пробилась седина, смотрел на меня с беспокойством. – Не скрою, я рад его помощи, но боюсь за тебя, дочка.

Такая неожиданная забота заставила меня растеряться. Похоже, этот мужчина искренне любил Анну, хоть и не умел этого показать. По крайней мере раньше дочери очень не хватало его внимания. Мать Анны умерла, когда девочке было четыре, а через год отец женился снова. Ему нужны были наследники. И молодая жена родила ему двоих сыновей и двух дочерей, которым сейчас от шести до двенадцати лет. Анне же только-только исполнилось восемнадцать, когда ее представили ко двору и случилась вся эта канитель.

Прежняя Анна не любила мачеху, хотя та ее и не гнобила, но равнодушие иногда ранит больше попреков. А ведь маленькой девочке так хотелось материнского тепла. Только я не могла осуждать за это графиню. Насколько я знала, ей самой на момент замужества только исполнилось восемнадцать. В этом возрасте нужно по балам бегать и с подружка-

ми шушукаться, а не растить чужих детей.

Мать Анне заменила другая женщина – ее нянюшка, которая служила еще при прежней графине. Когда я вернулась из монастыря, старушка расплакалась и долго не могла унять слез. А у меня в груди защемило. Обманывать всех остальных мне было не зазорно, а ее стыдно. Но все же я решила, что лучше буду о ней заботиться и помогать, чем расскажу, что ее Анны больше нет. Не думаю, что она пережила бы такой удар.

– Ты очень похожа на мать, – взял мою руку в ладони отец. – И чем старше становишься, тем больше на нее похожа.

Я не знала, как реагировать на такие откровения, и просто смущенно улыбалась, чувствуя себя лгуньей, но ничего сделать не могла.

– Все будет хорошо, отец, – наконец выдавила я.

– Да, конечно. – Казалось, он устыдился своего порыва, отпустил мою руку и встал. – Завтра утром к нам приедет портниха. Тебе нужен новый гардероб.

– А чем плох старый? Неужели за полгода в моде что-то сильно изменилось? – удивилась я.

– Нет, но после твоего пребывания в монастыре стоит выбрать более скромные фасоны. Иначе в обществе не поймут.

– Ах да, – кивнула я, припоминая, что сейчас в моде довольно откровенные декольте. А мне нужно показать, что я раскаялась в своем неподобающем поведении и теперь буду

блюсти свою девичью честь почище самой строгой матроны. Но это меня нисколько не смущало, ведь даже закрытый наряд можно обыграть так, что он будет интриговать не хуже открытого выреза… – И в самом деле будет неуместно появляться в таком виде.

– Я рад, что мы поняли друг друга, – улыбнулся отец и вышел.

Я же взяла со столика письмо, которое недавно прочла, и покрутила его в пальцах. Канцлер писал, что рад моему возвращению в родительский дом и ожидает, что мой первый выход в свет состоится уже через неделю на бал в честь прибытия делегации из соседнего королевства, которую будет возглавлять четвертый принц крови.

– Четвертый принц… – протянула я. – Неужели это и есть моя цель? Не может быть… Он же принц, а я графская дочь. Хотя, может, я ошибаюсь и мне нужно будет приглядеться к кому-то из его свиты?

Я вздохнула, села на стул перед резным трюмо и посмотрела на себя в зеркало. «Эх, Аня, разве могла ты представить, что когда-нибудь окажешься в такой ситуации? Чужой мир, другие законы, тайны королевского двора… Оно тебе надо? – И сама себе ответила: – Не надо, но ведь так интересно заглянуть в это закулисье!»

Н-да, говорят, любопытство кошку сгубило. Но я ведь не кошка, и когда же влипать в приключения, если не во время второй молодости? Неприметную скучную жизнь я уже про-

жила и теперь хочу отдаться духу авантюризма.

Я усмехнулась, рассматривая себя. Интересно, как быстро я об этом пожалею? А может, и не пожалею.

После ухода отца одна я оставалась недолго – в дверь неуверенно постучались, а затем она приоткрылась и в проеме появились две любопытные детские мордашки.

– Анни, к тебе можно? – спросила восьмилетняя Лия.

Или Лианелия, если полностью. Хотя так ее называла только мачеха, когда была ею недовольна.

– Можно, заходите.

Девочка вошла и завела за руку сестренку – шестилетнюю Мари. Девочки оглядели мою небольшую уютную комнату – большие комнаты хуже отапливались зимой и использовались в основном для приемов – и чинно сели на кушетку, хотя большеглазой Мари сидеть на месте явно было тяжело.

– Анни, а правда, что в монастыре заставляют целый день без передышки читать молитвы? – не выдержала она первая.

– Ну не целый день, но много и часто, – с улыбкой ответила я. Девочки мне нравились, хотя в их интонациях подчас проскакивали снисходительные нотки их матери. Я встала, пересела на кровать и похлопала по покрывалу рядом с собой, приглашая девочек сесть поближе. – А знаете, чему я там научилась?

– Чему?

Лия и Мари, блестя любопытными глазами, сели рядом, и я обняла их за плечи. Всегда любила детей, только в прошлой

жизни с ними не сложилось.

– Делать свечи, представляете? Нужно взять длинную нитку, которая потом станет фитилем, и обмакивать ее в растопленный воск. И так до тех пор, пока свеча не приобретет нужную толщину.

– Фу-у-у, – протянула Лия. – Это же скучно!

– Согласна, – кивнула я. – А потому лучше в монастырь не попадать. По крайней мере если это не осознанный шаг. В мире слишком много всего интересного, что стоит увидеть и сделать.

– А мы слышали, что ты в монастыре познакомилась с канцлером! – сделав большие глаза, прошептала Мари. – Это правда?

– А где вы это слышали?

Мне было интересно: неужели графская чета обсуждает такие темы в присутствии детей?

– Подслушали, – призналась Мари и потупилась, когда сестра на нее шикнула.

– Подслушивать, конечно, нехорошо, – пожурила я их и понизила голос до шепота, – но иногда очень интересно. А о чем еще говорили родители?

– Мама обрадовалась. Сказала, что если ты возьмешься за ум, то и наше с Мари будущее будет обеспечено, – тихо ответила Лия. – А еще она сказала, что быть любовницей канцлера очень почетно и что свою пассию он потом обязательно выгодно пристроит, пусть и не в столице.

– Но папа почему-то был расстроен, – насупилась Мари и внезапно спросила: – А кто такая любовница?

Н-да, если тебя не застукали, то все можно, а если у тебя в любовниках сильные мира сего, то можно еще больше. Значит, мачеха решила, что канцлера привлекли мои прелести? Он, конечно, мужчина видный, меня рядом с ним прямо бодрит, но в любовницах-сожительницах я уже хаживала и теперь хочу настоящую семью. Да и сам канцлер вполне конкретно дал понять, что я нужна ему для другого.

– Анни, – потеребила меня Мари, вырывая из размышлений, – так кто такая любовница?

Лия смотрела с не меньшим любопытством. А я не знала, как им объяснить, не вдаваясь в подробности, которые им знать рановато. Ну не было у меня своих детей и практики общения с ними.

– Э-э-э… – протянула я, собираясь с мыслями и не представляя, с чего начать.

Спасла меня нянюшка. Она вошла в комнату со стаканом теплого молока, который Анна с детства привыкла пить перед сном, и быстренько погнала всех спать.

– Вот же неугомонные зайчишки, – пробормотала она, ставя стакан на тумбочку у кровати. Посмотрела на меня и промокнула ладонями глаза. – Ох, не верится, что вы вернулись, госпожа.

Я обняла старушку и усадила с собой рядом.

– Я же в монастыре была, а не в тюрьме.

– Да велика ль разница-то? И ведь как уезжали-то! Мне и проводить вас не дали. Как вороны со всех сторон вас клевали. И как только выдержала-то, голубка моя?

– Выдержала, – вздохнула я и обняла ее крепче. – Было и было. Теперь дальше жить надо.

– Слышала я, что канцлер вами заинтересовался. Только вы ему не верьте. Знаете, какие о нем слухи ходят?

– Какие? – навострила я уши.

Слышать о канцлере что-то нелицеприятное не хотелось, но было важным.

– Будто он с Темным богом якшается.

– Ой, нянюшка, не верь ты этим слухам, – с облегчением выдохнула я. – Если бы так и было, его бы никогда на пост канцлера королевства не поставили. – Вспомнила, сколько раз он был в монастыре, и добавила: – Да и в святых местах он бывает чаще любого аристократа. Врут слухи.

– Может, и врут, только будьте с ним осторожнее, голубка моя, – снова утерла нянюшка глаза и засобиралась уходить. – Слухи на пустом месте не рождаются.

Глава 7. Бал и новые знакомства

Бал. Невероятно, но я скоро окажусь на самом настоящем балу! Разумеется, невероятным это можно назвать только с позиции меня прежней, но от этого ощущения будоражили не меньше. Конечно, я была и на корпоративах со множеством людей, и на юбилеях, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что ожидало меня сегодня. А потому беспокойство и мандраж мне изображать не пришлось.

– Не волнуйся так, – увещевала меня мачеха, сидя рядом в карете. – Ты же уже была на балу.

– В том-то и дело, – пробормотала я, припомнив, чем это закончилось для бедной Анны.

– Да, тогда все вышло очень плохо, – нахмурилась женщина и внезапно взяла мою руку, сжала и требовательно посмотрела в глаза. – Но ведь ты больше не повторишь прежних ошибок…

– Прежних – нет, – ответила я честно, но на языке так и вертелось продолжение фразы: но от новых зарекаться не буду.

Отец, сидевший напротив, что-то такое понял из моих слов, его губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но потом решил не влезать в женские разговоры и перевел взгляд за окно кареты.

Но что поделать, если я уже согласилась на непонятную авантюру канцлера? Теперь оставалось только догадываться, чем она для меня закончится. Да и вообще, я в другом мире, в другом теле и еще не разобралась в местных раскладах и течениях. Поэтому о каких ошибках может идти речь? Да я же вляпаюсь в первое подвернувшееся гуано!

Потихоньку я начинала паниковать, но сдерживалась изо всех сил. А слова о том, что я взрослая женщина, которые я твердила сама себе, почему-то помогали плохо.

Выезжали мы заранее, все-таки бал в честь приезда иностранной делегации проводился во дворце, и опаздывать не стоило. И мы не ошиблись. Столпотворение карет перед входом было таким эпичным, не побоюсь этого слова, что ждать своей очереди, чтобы, как полагается, оказаться у крыльца, пришлось около часа.

И за этот час мои эмоции и переживания достигли апогея, а потом… перегорели. Я так сильно волновалась, что в какой-то момент организм решил, что уже перебор, и на смену переживаниям пришел нездоровый пофигизм. Мачеха смотрела на меня, и в ее взгляде читалось: «Не падает в обморок – и ладно». Видимо, даже ее впечатлило, как меня потряхивало от волнения, и она больше не намекала на прошлые ошибки и не пыталась чему-то меня учить и наставлять.

Дворец впечатлил количеством позолоты и зажженных свечей. Иногда, при взгляде на особенно развесистый канделябр, хотелось сделать фейспалм и воскликнуть: «Пожар-

ную безопасность придумали трусы!» Придворные, похоже, были крайне отважными индивидами. А еще везучими, потому что пока никто и ничто не загорелось. Хотя я просто сгущала краски. Как-то на работе мне пришлось столкнуться с пожарным инспектором, и я никогда не забуду те незабываемые впечатления и многочисленные вопросы с подковыркой. А еще почти патетические восклицания «это же ваша безопасность!».

Н-да, как, оказывается, человеческий мозг, если хочет, может переключаться на мелочи с действительно важных вещей.

– Граф ан Шэрран с семьей! – объявил церемониймейстер, и десятки глаз тут же устремились на нас.

По залу полетели шепотки:

– Это та самая…

– Опозоренная…

– Надо же…

Я еще сильнее выпрямила спину, и на моих губах заиграла легкая улыбка. Как кто-то где-то когда-то сказал, а люди запомнили: «Улыбайтесь, это всех раздражает». Раздражать я, конечно, никого не собиралась, но и показывать слабости не желала тоже.

По долетевшим шепоткам я поняла, что моя улыбка таки некоторых задела. Однако обсуждали не только меня, но и возвращение моего отца, который с того злополучного дня на балы во дворец приглашен не был. Подходить к нам не

торопились, видимо, пока прикидывали, куда подует ветер перемен. Но в данный момент меня это даже радовало.

А потом объявили о прибытии короля с королевой и их единственным наследником принцем Карлайлом. Все склонились в глубоком поклоне. И мне оставалось только порадоваться, что вместе с телом Анны мне досталась ее память и умения.

Потом король махнул рукой, и бал продолжился, вернее, его предтанцевальная часть. Похоже, сейчас должны появиться послы. Мне же было интересно рассмотреть венценосную чету.

Король был еще не стар, но уже седовлас. С довольно приятными чертами лица и властными движениями. Королева же была явно старше его величества и смотрела на придворных с безразличием. А принц оказался довольно симпатичным чуть полноватым блондином лет двадцати со скучающим взглядом.

– Его королевское высочество четвертый принц крови королевства Альтон Виттор ан Ларрен и высокие послы Альтона! – прерывая мои размышления, произнес глашатай, и в бальную залу вошел высокий статный блондин с пшеничными подкрученными усиками и бородкой эспаньолкой.

По залу тут же разнесся восторженный женский вздох. И я могла их понять. Принц с картинки – вот кто вошел в зал. Остальная делегация на его фоне потерялась и была совершенно никому не интересна.

Нет, ну если так подумать, то он блондин, я блондинка. Он мужчина, я женщина. Мы отличная пара! А какие детки у нас красивые будут… Какая девочка, девушка, женщина не мечтала хоть раз в жизни о принце? Я не мечтала, но ведь никогда не поздно начать?

Из размышлений меня выдернуло странное неприятное чувство, будто кто-то сверлит меня взглядом. Я повернула голову и увидела канцлера. Он чуть заметно кивнул и демонстративно посмотрел на принца, показывая, куда мне нужно смотреть. А я и так туда смотрела. Тем более теперь задание не казалось таким уж обременительным.

Разумеется, смазливой мордашкой меня не удивить – я уже взрослая девочка и ценю в мужчинах иное, – но для начала все выглядит очень даже перспективно. Осталось только узнать детали и что конкретно хочет от меня канцлер.

Лезть на глаза его высочеству в первых рядах я благоразумно не стала, хотя мне и было интересно посмотреть на него чуть ближе. Его сейчас окружало столько придворных, что я на его месте не запомнила бы никого. Он, конечно, не я, но торопиться некуда.

Постепенно к нашей маленькой группе потянулся небольшой ручеек самых любопытных, чтобы прощупать, чем мы дышим и почему вообще появились здесь спустя всего несколько месяцев после неофициальной опалы. Кто-то пытался нас уколоть, кто-то почти открыто спрашивал «какими судьбами?», а кто-то, и таких было очень мало, просто под-

ходил пообщаться и выказать свое уважение и поддержку. Злополучную подруженьку и свою «первую любовь» я тоже видела. Они были в одной шумной молодежной компании и изредка посматривали на меня.

«Ну-ну, смотрите, глаза только не сломайте», – посылала я им ответные «лучи добра» и не думала смущаться.

К нам подошла одна из самых заядлых сплетниц при дворе – баронесса ан Ливендорн. Она состояла в немногочисленной свите королевы и отчаянно молодилась. Часто себе же в ущерб.

– Надо же, Анна, кажется, еще больше расцвела с того момента, когда я ее видела последний раз, – одарила она меня фальшивой улыбкой. – Похоже, монастырский воздух пошел тебе на пользу, милочка.

– Ну что вы, это все молодость, – лучезарно улыбнулась я, не собираясь спускать ей намеки на мое неподобающее поведение в прошлом, а то ведь заклюют такими вот «безобидными» намеками. И получила ощутимый тычок в бок от мачехи. – Хотя вы тоже выглядите великолепно! А эта прическа по последней моде вам очень идет.

Я безбожно врала насчет прически. Она не шла баронессе от слова «совсем», делая щеки визуально еще больше, а лоб меньше. Кажется, женщина это тоже понимала, но желание быть на гребне модной волны оказалось сильнее.

Баронессу чуток перекосило. Она оглядела мое довольно закрытое голубое платье с кружевными рукавами-фонарика-

ми и застегнутым под горло на маленькие пуговки вырезом, но верхняя часть груди при этом оставалась открытой. Получился милый и одновременно пикантный образ невинной девушки.

– А вот вы, милочка, похоже, о последних модных фасонах не в курсе. Ай-ай-ай. – И чтобы сгладить бестактность, захихикала и шутливо ударила меня по руке сложенным веером.

У меня с языка так и просилась ответная любезность. Однако вместо меня баронессе ответила мачеха:

– Ну что вы, этот образ моя дочь придумала вместе с лучшей модисткой Альежа госпожой Фарм. И та уверяла, что совсем скоро такой фасон войдет в моду.

– Н-да? – Теперь баронесса окинула меня куда более заинтересованным взглядом.

– Согласен с модисткой, – раздался за спиной знакомый мужской голос. – Это платье вам очень идет.

Мы обернулись и увидели канцлера в компании с принцами и их свитами. И как только мы не заметили их приближения?! Разумеется, мы тут же склонились в реверансах.

– Ваше высочество, позвольте представить графа Рожера ан Шэрран, графиню Камиллу ан Шэрран, их дочь Анну ан Шэрран и баронессу ан Ливендорн.

– Рад знакомству, – чуть склонил голову Виттор и задержал взгляд на моем скромном вырезе. – Хотел бы разделить мнение Армана насчет вашего наряда. Он великолепен. –

Мои щеки невольно порозовели. Какая женщина не любит комплиментов? – Признаться, у нас в стране одеваются более… эм, сдержанно. И я еще не привык к… столь открытым бутонам женской красоты. – И он покосился на стоявших неподалеку девушек в платьях с едва прикрытыми сосками.

Я восхищенно распахнула глаза. Надо же, как завернул! А мог бы просто сказать: никогда не видел в приличном месте сразу столько полуголых баб.

– Не волнуйтесь, это только начало, – улыбнулась я и по всеобщей реакции поняла, что сказала что-то не то. – То есть вы привыкнете. А внешняя открытость наших дам никак не влияет на их моральный облик. – Заметила, как сузились глаза канцлера Армана ан Конте, и из вредности добавила: – Почти. – Поняла, что такими темпами договорюсь до дыбы, и добавила: – Простите. Я имела в виду, что…

– Я понял, что вы имели в виду, – внезапно фыркнул принц. – Вы очень забавная девушка. Не откажете мне в первом танце?

– Это честь для меня, – присела я в реверансе, и тут король наконец решил объявить начало танцев и вывел в центр зала королеву. Придворные тут же зашумели, стремясь побыстрее найти ангажированную пару, а Виттор протянул руку мне:

– Я успел очень вовремя.

И не поспоришь. Я опустила глаза, положила на его ладонь свои пальчики и краем глаза увидела, что канцлер при-

глашает баронессу. Так ему и надо, а то своими взглядами чуть до икоты меня не довел!

Первые аккорды полонеза прозвучали, когда принц Виттор повел меня в центр зала. Мы встали следом за королем с королевой и принцем Карлайлом с дочерью герцога ан Клемора. Похоже, девушка, как и я, совсем недавно вышла в свет. Вот только выглядела гораздо расслабленнее меня. Я же, несмотря на внезапный пофигизм, ощущала себя не в своей тарелке. Все-таки я впервые в жизни собиралась танцевать полонез. И не где-нибудь ради шутки, а на королевском балу с настоящим принцем. Я искренне надеялась на память тела, ведь порепетировать мне было некогда и негде.

Полонез напоминал торжественное шествие, где каждое движение было продумано до мелочей. Виттор вел меня уверенно, его рука едва касалась моей талии – ровно настолько, чтобы направлять, но не нарушать приличий.

– Вы так напряжены, Анна. Что-то не так? – спросил он меня.

«О да! Все не так!» – хотелось простонать мне, но я постаралась улыбнуться как можно более беззаботно:

– Что вы, я просто волнуюсь. Это мой второй королевский бал. А с настоящим принцем я и вовсе танцую впервые.

– А разве есть ненастоящие принцы? – тоже улыбнулся он.

И я улучила момент и многозначительно прошептала:

– О да! – Бровь Виттора вопросительно выгнулась, и я продолжила: – Однажды мне подарили безумно красивую

куклу мальчика. Вы знали, что делают и кукол мальчиков, а не только девочек?

– Э-э-э, нет, – явно не ожидал такого вопроса принц. – У меня три брата и совсем нет сестер, которые бы рассказали мне об этом.

– Так вот, я назвала того кукольного мальчика Принцем и часто проводила с ним свои кукольные королевские чаепития, а потом и танцы, – окунулась я в воспоминания Анны.

– Получается, я не первый ваш принц? —сверкнув глазами, задал довольно провокационный вопрос Виттор.

– Получается, вы первый настоящий принц, с которым я имела честь танцевать, – парировала я.

– Звучит многообещающе, – блеснул он обаятельной улыбкой, и я скромно опустила глазки.

В этот момент мы прошли в фигуру «ручеек» под аркой из рук канцлера и баронессы и встали рядом, чтобы точно так же пропустить под своими руками другие пары.

– Кажется, вы неплохо проводите время, – тихо проговорил канцлер, стоявший рядом.

– Стараюсь изо всех сил, – так же тихо ответила я.

– Ну-ну…

Я покосилась на него, но фигура танца снова повела нас в шествие по большому кругу, и мое внимание переключилось на принца.

– Теперь вы обязаны пригласить меня на чаепитие, – внезапно произнес он, и теперь уже удивилась я, но Виттор по-

яснил: – Я не могу позволить, чтобы у вас в памяти остались лишь чаепития с ненастоящим принцем.

– В таком случае я рискую прослыть злостной кокеткой, и меня точно обвинят в том, что я хочу заполучить себе венценосного жениха.

– А вы не хотите?

Надо же, какой двусмысленный вопрос. Не хочу прослыть кокеткой? Или не хочу заполучить жениха? С этим принцем нужно держать ухо востро.

– Знаете такое выражение: «Чего хочет женщина, того хочет Пресветлый»?

Бровь принца заинтересованно выгнулась.

– И чего же вы хотите?

– Пить. Здесь так душно, что я уже давно мечтаю о стакане самой обычной воды.

Принц сначала удивленно на меня смотрел, а потом расхохотался, тщательно давя смех, чтобы это не выглядело слишком вызывающе во время танца.

Наконец шествие закончилось, и Виттор отвел меня к родителям:

– Мадемуазель ан Шэрран, танец с вами доставил мне истинное удовольствие, и я был бы рад, если бы вы подарили мне следующий вальс.

– Конечно, ваше высочество, – присела я в реверансе, и принц ушел.

– О чем вы там так оживленно болтали? – пряча губы за

раскрытым веером и блестя от любопытства глазами, спросила мачеха.

– О куклах, – ответила я, и в самом деле мечтая о стакане холодной воды.

В зале, несмотря на высокие потолки, было душно.

– О чем?! – Она посмотрела на меня как на умалишенную.

– Простите, я обещал даме воду, – внезапно оказался рядом Виттор и с улыбкой протянул мне стакан.

– Спасибо, ваше высочество. – Я приняла стакан и увидела, что в нем вовсе не вода, а лимонад.

– Простите, обнаружилось, что быстро найти во дворце воду —непосильная задача.

Я отпила освежающий цитрусовый напиток, оказавшийся очень даже вкусным и не сильно сладким.

– Ничего, этот лимонад мне понравился.

– Не каждый день юная девушка получает лимонад из рук самого принца. Я бы удивилась, если бы вам не понравилось, – оказалась рядом баронесса Ливендорн, улыбаясь так, что хотелось ей сказать: «Сцедите яд, а то вас перекосило», но приходилось улыбаться и мило опускать глазки.

Баронесса, впрочем, появилась не одна. Ее привел к нам канцлер. К которому тут же обратился Виттор:

– Арман, а правда, что у вас дама не может пригласить мужчину на дружеский чай?

Канцлер бросил на меня цепкий взгляд, но тут же улыбнулся.

– Ну почему же? Приглашение из уст баронессы Ливендорн, например, не нанесет урона ее чести. К тому же ее салон славится послеобеденными чаепитиями. А вот молодая незамужняя девушка пригласить вас может, но, скорее всего, столкнется с осуждением общества. А у вас в королевстве разве не так?

– Так, – задумчиво кивнул принц. – Но я думал, что в вашем прогрессивном обществе все немного иначе.

– Вы правы, Виттор, в нашей стране прогресс не стоит на месте, но он не касается общественных и моральных устоев, и Анна знает об этом как никто другой.

Теперь уже я стрельнула в канцлера изучающим взглядом, который поспешила спрятать под смиренно опущенными ресницами.

Принц явно заинтересовался этой темой, но тут канцлер протянул ко мне руку и произнес:

– Мадемуазель ан Шэрран, позвольте пригласить вас на танец.

Глава 8. Королевский бал преподносит сюрпризы

И как тут не позволить себя пригласить? Да и интересно, что он мне скажет.

Но, к моему удивлению, Арман не торопился начинать беседу. Он вел меня в танце и просто смотрел в глаза. Легкие прикосновения к кончикам пальцев, уверенные движения, повороты. Следовать за ним было легко и волнительно. Казалось, канцлер просто наслаждался моментом, и это отчего-то нервировало. Сохранять внешнее спокойствие удавалось все сложнее. А при виде играющей на его губах легкой улыбки почему-то сбивалось дыхание.

– Вы великолепно танцуете, – наконец прервала я наше молчание.

– Вы тоже, – улыбнулся он мне шире, и шрам на щеке придал его лицу какое-то залихватское пиратское выражение. – В вас чувствуется загадка, и это привлекает мужчин, – внезапно добавил он.

– Это плохо?

– Нет, что вы. Его высочество, похоже, покорен.

– Разве вы не этого хотели?

Я не могла понять этого мужчину. Он говорил одно, но

казалось, что имел в виду другое. Да и на прямые вопросы, похоже, предпочитал не отвечать.

– Присмотритесь к его свите, к ближайшим друзьям. Прощупайте, кто чем дышит. Присмотритесь к тем, кто будет появляться в его окружении.

– Вы так говорите, будто принц уже у моих ног и мы проводим вместе много времени, – фыркнула я.

– Это лишь наметки на будущее. Я в вас верю. Но пока немного сбавьте напор. Общество не любит, когда звезды зажигаются слишком быстро и ярко. – Он обошел вокруг меня в танце и обнял за талию, при этом на мгновение прижав сильнее положенного.

– И для этого вы намекнули принцу, что моя репутация не слишком чиста? – выдохнула я в ответ и будто случайно скользнула пальчиками по его ладони – я тоже умею посылать смешанные сигналы. В глазах канцлера блеснули бесенята. Ух, страшный человек! С таким играть себе дороже! Но прямо сейчас остановиться я была не в силах.

– Ему бы все равно об этом рассказали, стоило вам удалиться, но мой интерес дал ему понять, что все далеко не так прозрачно, как ему сейчас нарисуют.

– То есть вы решили подогреть его интерес еще больше?

Взгляд Армана прошелся по груди, шее и остановился на моих губах.

– И это тоже.

– Вы страшный человек, – хмыкнула я.

– Вы не первая говорите мне об этом, но поверьте, это не так.

Вот теперь я рассмеялась:

– Позвольте вам не поверить.

Танец закончился, и Арман поднес к своим губам мою руку. Посмотрел мне в глаза, поцеловал пальчики и тихо произнес:

– Позвольте вам не позволить. Я страшен только с врагами, но не с красивыми женщинами. – И повел меня к родителям.

Принца рядом не оказалось, а меня тут же пригласил на танец очередной кавалер. Вечер продолжал набирать обороты. Я много танцевала, улыбалась, флиртовала, и вокруг меня начала собираться компания молодых людей и девушек.

Внезапно почти над самым ухом раздался смутно знакомый голос:

– А вы все хорошеете, Анна.

Я обернулась и неприятно удивилась:

– Граф ан Альманди… Не припомню, чтобы разрешала вам называть себя по имени.

В голове же тут же пронеслось сказанное им когда-то холодным пренебрежительным тоном: «Я всего лишь хотел развлечься, и девушка оказалась не против». Скотина. Чего же ты сейчас приперся? Снова испортить Анне жизнь? Не на ту напал!

– Мне показалось, мы свели достаточное близкое знаком-

ство, чтобы я получил такое право априори[4].

Вокруг нас тут же прошла волна шепотков, и стало подозрительно тихо.

– Вы правы: вам показалось. – И я резко раскрыла веер, как бы отгораживаясь от назойливого кавалера.

Леонардо сделал шаг, оказавшись передо мной, и на его лице появилась глумливая улыбочка.

– Но позвольте…

– Не позволю.

– Но простите… – разозлился граф, явно собираясь сказать что-то скабрезное.

Но и тут я не дала ему продолжить:

– Не прощу. – Посмотрела ему в глаза и спокойно добавила: – Вы предали мое доверие, и больше я вас видеть в своем окружении не желаю. Надеюсь, вы, как благородный человек, не станете докучать даме, которая открыто вам об этом сказала.

Говорила я тихо, не стараясь привлечь всеобщее внимание, но в наступившей тишине мои слова услышали все заинтересованные лица, а кто не услышал, тому их тут же повторили.

Крыть графу было нечем, да и к нашей молодежной компании уже устремились мои родители. А еще у меня внезап-

---

[4] Априо́ри (лат. a priori, дословно – «от предшествующего») – знание, полученное до опыта и независимо от него (знание априори, априорное знание), то есть знание, как бы заранее известное.

но объявились заступники: молодой барон Дарлейн, барон Кляйн и граф Ростлиф, которые целый вечер за мной ухаживали. Молодые люди оказались рядом и уставились на Леонардо очень красноречивыми взглядами. Тот оглядел меня, моих защитников и хмыкнул:

– Была бы честь предложена. – И развернулся.

– Скатертью дорожка, – не удержавшись, напутствовала я его.

– А что значит это ваше «скатертью дорожка»? – Раздвигая толпу, как атомный ледокол льды Арктики, ко мне приблизился принц Виттор в компании принца Карлайла.

Мужчины проводили спину графа неприязненным взглядом и с любопытством посмотрели на меня. Я смутилась. Похоже, в этом мире такой поговорки не было. Но что-то отвечать было нужно.

– Это старая поговорка, ваше высочество. Пожелание… чтобы путь недруга был легким и быстрым. – Брови обоих принцев удивленно выгнулись, и я добавила: – И этот путь увел недруга очень далеко. В идеале, чтобы я его больше никогда не увидела.

Карлайл хмыкнул, Виттор рассмеялся, и смех его прозвучал так искренне, что я словила на себе еще несколько заинтересованных взглядов. В том числе и канцлера, который в этот момент на другом конце зала о чем-то беседовал с министром финансов.

Снова заиграла музыка, на этот раз вальс, и Виттор про-

тянул мне руку:

– Вы обещали мне этот танец.

– И я не отказываюсь от своих обещаний, – улыбнулась я, вкладывая пальцы в его ладонь.

Вальсировал принц великолепно! Приятно, когда мужчина уверенно ведет партнершу. За это время на балу я уже успела раздать почти все танцы и знала, что так хорошо умеют вести далеко не все аристократы. А еще в который раз мысленно поблагодарила Анну за ее усердие на уроках.

– Мадемуазель ан Шэрран, а вы, оказывается, умеете быть жестоки, – улыбнулся он, намекая на мой отпор графу.

– Еще совсем недавно я бы сказала, что вы ошибаетесь, но после того, как мне пришлось смиренно пожить в монастыре почти пять месяцев, я осознала, что с некоторыми людьми уже не смогу быть доброй и милой.

– Это из-за него вы туда попали? – проницательно спросил Виттор.

– Я смотрю, вас быстро посвятили в столичные сплетни.

– О, о вашем нравственном падении мне рассказали сразу же, стоило вам отойти на два шага.

– Я в этом не сомневалась, но отчего же вы снова подошли к той, о ком вам рассказали такие вещи?

Танец перестал кружить голову, и мне захотелось, чтобы он быстрее закончился. Но я лишь отвела взгляд, продолжая удерживать на лице легкую улыбку.

– Потому что не верю, что вы могли сделать что-то предо-

судительное.

Я подняла на него глаза и очень серьезно произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.